

© 1996 г. Т.И. ВЕНДИНА

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ

Актуализация в последнее десятилетие идей В. Гумбольдта о "языке" как деятельности народного духа" способствовала интенсивному развитию так называемой антропологической лингвистики, имеющей своей целью изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и культурой. Об интересе к антропологической лингвистике свидетельствует интенсивное развитие таких ее направлений, как этнолингвистика, лингвистическая культурология и лингвистическая гносеология. В рамках лингвогносеологии, изучающей когнитивную функцию языка, в последнее время активно разрабатывается проблема языковой и концептуальной картины мира.

В этой связи чрезвычайно отрядным фактом является работа над Лексическим атласом русских народных говоров (ЛАРНГ), задача которого – представить в пространственной проекции основные звенья лексико-семантической системы русских народных говоров. Построенный на принципиально иных началах, нежели ДАРЯ, ориентированный прежде всего на системный подход в изучении диалектной лексики, ЛАРНГ явится одним из важнейших источников лингвистической гносеологии и аксиологии.

Известно, что в существующей в каждом языке системе номинаций (как системе представлений человека об окружающей его действительности) отражены результаты его познавательной и классифицирующей деятельности. В лексических единицах языка содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа, раскрывающая особенности видения мира и являющаяся своеобразным ориентиром в его освоении. Поскольку любой язык стремится не только к объективации миропонимания народа, но и консервации его духовно-практической деятельности, карты ЛАРНГ дадут возможность проникнуть в механизм сложного процесса познания и интерпретации мира человеком. Материалы ЛАРНГ представляют особую ценность еще и потому, что именно лексический уровень языка более всего подвержен "давлению действительности", в связи с чем он ярче всего передает своеобразие семантического облика модели мира. Атлас, таким образом, позволит увидеть пространственную и реальную классификацию человеческого опыта.

Создание Программы ЛАРНГ [Программа 1994], а также публикация самостоятельной Программы по изучению русского диалектного словообразования [Диалектные различия русского языка 1991–1993] открывает широкие перспективы в изучении диалектной лексики в семасиологическом и ономасиологическом (в том числе и деривационном) аспектах. Обе программы объединяет методика системного анализа лексики, основанная на принципе выделения интегральных и дифференциальных сем, формирующих то или иное семантическое пространство (лексико-семантическую группу, тематическую группу, семантическое поле и т.д.). Это дает возможность учесть, с одной стороны, взаимосвязанные природные и социальные явления, характеризующие их интегральные признаки и процессы, а с другой – разнообразные дифференциальные признаки. Отказ от прежнего атомистического (в том числе диф-

ференциального) подхода к изучению диалектной лексики, ориентация на системность делает реальной возможность по-новому взглянуть на ономастическое и словообразовательное устройство отдельных участков лексической системы языка и проникнуть в тайны языковой картины мира русского народа. Материалы атласа позволяют полностью представить структуру диалектного различия, делая возможным изучение системных связей слов не только в рамках одной ЛСГ, но и одного ареала, причем без разграничения диалектного и так называемого общенародного (см., например [Кале, Факторович 1994]).

Как известно, в любом языке предметы и явления внешнего мира могут быть интерпретированы изнутри (через внутреннюю форму слова, в которой как бы просвечивает семантическая мотивированность) и извне (через определение, синтаксическую сочетаемость, дефиниции и ассоциации). При этом "сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности" [Петренко 1988: 12]. В этом смысле чрезвычайно важную роль играет словообразование, которое дает возможность эксплицировать свойства и качества денотатов, их связи и отношения, функциональную нагрузку, а главное – их значимость для носителей языка. Именно словообразование позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности, рассмотреть ее сквозь призму шкалы соответствий определенной системе ценностей, определить, какие ее элементы словообразовательно маркируются и почему, и тем самым выяснить, что в языковом сознании того или иного народа является жизненно и социально важным. Не случайно при реконструкции праславянского лексического фонда или системы славянских ценностей в качестве одного из главных диагностических средств используются словообразовательные (см. [Топоров 1993; Трубаев 1985; Журавлев 1995] и др.).

Представления человека об окружающем его мире, и в частности о природе, формируют глубинную основу его системы ценностей. Отношение русского народа к "вмещающей и кормящей" природе отразилось в чрезвычайно богатом и детализированном словаре, характеризующемся плюрализмом в наименовании одних и тех же реалий, различающихся способами семантического и словообразовательного маркирования. Попытаемся проиллюстрировать это на материале первого раздела Программы ЛАРНГ "Природа".

Знакомство с тематическим разделом "Природа" показало, что в этой чрезвычайно раздробленной семантической сфере существует своя "шкала ценностей", которая, однако, поддается реконструкции только при системном подходе к материалу.

Об аксиологических принципах организации этой семантической сферы говорит прежде всего словообразование, в частности тот факт, что одни ее номинативные участки оказываются закрытыми для актов словообразования, тогда как другие, наоборот, широко открытыми. Так, например, практически закрыты для словообразования названия животных (особенно домашних), рыб, деревьев (особенно плодовых), овощей, названия водоемов (рек, озер, прудов), небесных светил и т.д.

Системный подход к изучению диалектной лексики позволил выявить следующую особенность в ее организации: ключевые слова каждого номинативного участка семантической сферы "Природа" (например, *небо, звезда, солнце, земля, гора, река, вода, лес, дерево* и др.) являются, как правило, непроемкими с синхронной точки зрения, что объясняется не только древностью этих слов, но и их функцией в лексической системе языка как слов идентифицирующих, призванных служить адекватному восприятию, являющихся системообразующим звеном этого фрагмента лексикона. Словообразовательная непроемкость их нередко компенсируется лексической многозначностью (ср., например, значения слова *гора*, среди которых 'берег или часть берега', 'правый берег или возвышенный берег', 'суша или ее часть', 'кладбище' и др. или значения слова *лес*: 'отдельное дерево', 'дубовое дерево', 'ствол', 'ветка', 'верхушка дерева' и т.д.). В то же время за каждым из них лежит

широкое поле творческой фантазии народа, создающего свою картину мира. Так, например, в наименовании неба или небесных тел как классифицирующих названий словообразовательные средства практически не используются (ср. единичные *небесье* 'небесный свод', *зорька* 'звезда'). Ситуация, однако, меняется, когда подключаются характеризующие и прагматические моменты, имеющие значение в жизни человека. Использование словообразовательных средств наблюдается, в частности, тогда, когда необходимо обозначить не просто небо, а пасмурное небо, облачность (ср.: *наволока*, *наволочь*, *поволочь*), не просто луну, а ее фазы (ср., *молодик*, *намолодик*, *новик*, *новец*, *подновок*, *нарожденец* 'молодой месяц', *ветошь*, *наукидень* 'луна на ущербе'), не просто звезду, а ее определенный вид (ср.: *Косари* 'созвездие Млечного Пути', *Волосожары* 'созвездие Большой Медведицы', *Грудки* 'Стожары') или время появления на небе (ср.: *вечерница* 'вечерняя звезда', *зарянка* 'утренняя звезда'), а также количество (как правило, нерасчлененное: *звездоч*, *звездун*, *звездье*) и т.д.

Другой пример – из области растительного мира. Семантический участок "Лес" широко открыт для актов словообразования, хотя само название леса как совокупности произрастающих в нем деревьев является непроемким (единичные образования типа *лесняк*, *лесье*, *дубрава* выполняют лишь идентифицирующую функцию). Благодаря использованию словообразовательных средств это семантическое пространство обладает высокой степенью расчлененности. С помощью словообразовательных аффиксов актуализируются, в частности, такие признаки, как: *в е л и ч и н а* л е с а (ср.: *лесик*, *улесок*, *боровинка*, *малолесье* // *лесина*, *лесище*) его *г у с т о т а* (ср.: *густарник*, *густель*, *глушник*, *глухота*, *матерняк*, *трущобник*, *частыня* // *жидняк*, *редень*, *поредье*, *редколесье*), *в о з р а с т* (особенно при обозначении молодого леса, ср.: *молодник*, *молодежник*, *малыг*, *мелкач*, *поросяк*, *росляк*, в том числе молодого леса по произрастающим в нем породам деревьев, ср.: *березнюшек*, *дубня*, *ельняжек* и др. // *старник*, *матерняк*), *м е с т о п о л о ж е н и е* (ср.: *боровик*, *гривняк* 'лес, растущий на высоком месте' *бор*, *грива* 'возвышенное место'), *болотняк*, *моховик* 'лес, растущий на низком, болотистом месте' или *бережина*, *бережняк*, *прибрежник* 'лес, растущий по берегу реки'), преобладающие *п о р о д ы* деревьев (ср.: *листвак*, *листвяник* 'лиственный лес', *борина*, *борняк*, *игольник*, *хвойник*, *хвойняк* 'хвойный лес', в том числе и видовых названий деревьев, ср.: *березовник*, *елань*, *дубник*, *ольшняк*, *боровица*, *сосенник* и т.д.), при этом актуализируется не только видовой признак, но и оценочный, указывающий на *к а ч е с т в о* растущих в лесу деревьев (ср.: *гнилужина*, *дровняк* 'лес с больной древесиной', *жарник*, *сухарник*, *сушник*, *суховершник*, *подстой* 'высыхающий на корню лес', *гарник*, *горелец*, *выгарь*, *паленина* 'горелый лес', *вываль*, *выломок*, *ветробой*, *ветроваль*, *лежаток*, *буреломник* 'поваленный бурей, ветром лес'), причем словообразовательные средства используются прежде всего для маркирования отрицательного признака, о чем свидетельствует не только количество и состав производных, но и отсутствие таковых при обозначении положительного признака (ср.: единичное *зеленик* 'зеленый лес, в отличие от горелого'), факт, который во многом объясняется прагматической направленностью словообразования: маркируются, как правило, названия деревьев, которые не могут быть использованы в хозяйстве; эту аксиологическую ориентированность словообразования подтверждает и актуализация *ф у н к ц и о н а л ь н о г о* признака в названиях леса (ср.: *бревенник*, *бревняк*, *избняк* 'лес, идущий на строительство дома', *мостовильник*, *мостовняк*, *мостовинник* 'лес, употребляемый на настил мостов' и т.д.).

Небезынтересно в связи с этим отметить, что большинство названий деревьев, составляющих принадлежность русского леса, являются непроемкими с синхронной точки зрения (ср.: *береза*, *ель*, *дуб*, *сосна*, *вяз*, *осина*, *ива* и др.). Встречающиеся в

диалектах производные от этих наименований с тем же значением (типа *березина, вербава, вязина, цика, ольховина, елица* и др.) являются, по сути дела, субстанциональными образованиями, имеющими лишь идентифицирующее значение и нулевую мотивационную маркированность, поскольку так же, как и их мотивирующие, они "скрывают" свою внутреннюю форму. Появление их в языке во многом объясняется давлением языковой системы, а именно существующей в диалектах тенденций к мотивированности слова (по этой модели – непроизводная основа родового названия дерева + аффиксальный расширитель – образуются производные, семантически тождественные их мотивирующим). Ситуация, однако, меняется, когда необходимо обозначить вид того или иного дерева, указать на его возраст, место произрастания, функциональное назначение и другие признаки, имеющие то или иное значение для человека (ср.: *глушина, глушница* 'береза бородавчатая', *борина, боринка* 'сосна, растущая в бору', *елина* 'молодая ель', *дубец* 'молодой дуб', *мочальник* 'мелколистная липа, кора которой идет на изготовление мочал' и т.д.).

Системный подход к изучению диалектной лексики, возможность рассмотреть ее в рамках отдельных микросистем (каждый том ЛАРНГ будет посвящен определенной тематической группе) позволит эксплицировать и различия в принципах номинации семантических групп, принадлежащих одному семантическому полю. Если сравнить, например, мотивационные признаки, лежащие в основе названий деревьев и трав, то наряду с определенным сходством [ср. общий для обеих групп локативный признак (место произрастания растения) или функциональный (характер его использования)] обнаруживаются и существенные различия: в названиях трав, в частности, в отличие от названий деревьев, актуализируется такой признак, как в р е м я появления или цветения травы, а также издаваемого ею запаха: *веснянка, майник, вечерница*; ф о р м а ее листьев или цветка: *звездчатка, лапотник, лепешник*; з а п а х: *вонек, пахучка*; в к у с: *горечавка, кислика, медовка*; способ р а с п р о с т р а н е н и я травы или семян: *повилика, катунь, летун*; д е й с т в и е, оказываемое травой: *резика, жальница, свербига, прицепник*; п о д о б и е (этот признак является особенно интересным в названиях трав, поскольку он лучше всего позволяет увидеть, образность, поэтичность восприятия природы): *сосенка* 'хвощ', *огонек* 'одуванчик' *волчек* 'репейник', *березка* 'повилика', причем в названиях растений нередко отражаются не столько их реальные свойства и качества, сколько ирреальные, которые им приписывает человек (например, *курослепник, зверьбой, коновальник* и др.).

Другой пример из семантической сферы "Животный мир". Если сравнить набор мотивационных признаков, актуализируемых в акте словообразования в названиях диких и домашних животных, то среди них можно выделить принципиально различные, говорящие о разных подходах к наименованию этих животных. В названиях д о м а ш н и х животных актуализируются прежде всего такие признаки, которые имеют хозяйственно важное значение, например, дойность коровы: *доена, дойка, доилица, молочница* 'дойная корова', *ведерница, ведрница* 'корова, дающая много молока'; сила, выносливость лошади: *доброха, доброход* 'сильная, быстроходная лошадь'; функциональное назначение животного: *заячница, медвежатница, овчарук, волкогон, гончарка* 'в названиях крестьянских собак'; нередким является и оценочный, причем в основном отрицательный признак: *изморыш, недокормок, тощак, падеренок* 'тощее, заморенное животное' или *кожевина, одирок, падерятина* 'худая, заморенная лошадь'. В названиях же диких животных актуализируются признаки, указывающие на место обитания (*лесник, боровик* 'медведь', *дуплянка* 'белка', *степняк* 'заяц-русак'), способ существования животного (*бродень* 'медведь, который не спит в берлоге'), особенности его шкуры, в том числе ее окраса (*мохнашка* 'соболь', *русак, серяк, пестряк* 'заяц-русак'), в названиях же домашних животных этот признак

реализуется лишь в их кличках (*Гнедко, Буланчик, Сивка, Белка*), особенности какой-либо части тела (*ушан, ушкан* 'заяц', *хвостуха* 'лиса'), вид потребляемой пищи (*овсяник, стервятник, муравейник* 'в названиях медведя', *комятник, кобылятник* 'медведь, нападающий на лошадей'), а иногда и запах животного (*бздюх* 'хорь'), т.е. совершенно очевидно, что обе группы имен при всем их несомненном сходстве представляют собой разноаспектные номинации.

Еще ярче эта разнонаправленность мотивационных признаков, актуализирующих-ся в акте словообразования, проявляется в названиях животных и растений. Специфика форм существования животных повлияла, в частности, на объективацию таких признаков, как характер издаваемых звуков, особенности поведения, способ добывания пищи и ее вид, способ обитания и т.д., которых нет в названиях растений.

Системный подход к изучению диалектной лексики, заложенный в Программу ЛАРНГ, позволит выявить репертуар мотивационных признаков, характерных для разных номинативных участков той или иной семантической сферы. Каждая из групп будет, несомненно, иметь свой набор мотивационных признаков, реализуемых в акте словообразования: например, в семантическом пространстве "Небо и небесные тела" чаще всего будет, по-видимому, актуализироваться э к з и с т е н ц и а л ь н ы й признак (при обозначении состояний неба – пасмурного, облачного или безоблачного), т е м п о р а л ь н ы й (при образовании названий, указывающих на фазы луны или время появления звезд) и к в а н т и т а т и в н ы й (при обозначении совокупного множества звезд); в номинативном участке "Погода", "Атмосферные и климатические явления" – р е л я ц и о н н ы й признак (с оценочной оппозицией положительный/отрицательный, хороший/плохой, в которой актуализируется в основном второй член оппозиции), т е м п о р а л ь н ы й (с актуализацией семы длительности, продолжительности дождя), а к ц и о н а л ь н ы й (в названиях ветра или дождя), л о к а т и в н ы й (в названиях метели и ветра) и др.

Выявление репертуара мотивационных признаков и словообразовательных средств в каждой семантической сфере (а число их, как представляется, не является бесконечным) создаст основу для изучения типологии диалектной номинации. Материал, собранный для первых томов ЛАРНГ, делает возможной попытку уже сейчас представить набор характеризующих признаков семантической сферы "Природа", являющихся, по сути дела, гносеологическими параметрами концептуальной модели семантических отношений в этой сфере. Среди них:

1. К а ч е с т в е н н ы й признак, указывающий на физические свойства предметов или явлений внешнего мира, а именно:

- характерные особенности окраски листьев деревьев (*белолетка* 'тополь'), травы (*чернобыльник* 'попынь'), цветка (*желтушка* 'одуванчик'), ягоды (*черника*), шляпки гриба (*рыжик*), шкуры животного (*огневка* 'лиса'), оперения птицы (*лазоревка* 'синица'), чешуи рыбы (*серебрянка* 'горбуша') и т.д.;

- особенности формы цветка, травы (*звездчатка, зубчатка*), гриба (*зубатка* 'волнушка'), рыбы (*облуха* 'плотва'), поляны (*долгуша*), острова (*круговина*) и т.д.;

- особенности структуры почвы (*иловина* 'илистая почва'), дна реки (*каменка*), плода ягоды (*костяника*), травы (*молоканка* 'одуванчик') и т.д.;

- запах травы (*пахучка* 'вереск'), гриба (*вонючка* 'мелкий летний гриб'), животного (*бздюх* 'хорь') и т.д.;

- характерные особенности строения животного (*ушкан* 'заяц'), птицы (*хохлатка*), рыбы (*носарь* 'ерш'), насекомого (*рогач* 'жук') и т.д.;

- звуки, издаваемые птицей (*кукуля*), насекомым (*журжалка* 'муха'), земноводным (*квакушка*), рыбой (*пискун*), грибом или травой при их разрыве (*скрипун* 'хвощ', *скрипица* 'подгрудок') и т.д.;

- – вид потребляемой животным пищи (*овсяник* ‘медведь’), птиц (жабник ‘журавль’), насекомым (*мухан* ‘паук’), рыбой (*мошкарь* ‘сиг’) и т.д.;
- – температура ветра (*тепляк* ‘теплый южный ветер’, *холодик* ‘холодный северный ветер’) и т.д.;
- особенности поверхности горы (*леснина* ‘лесистая гора’), болота (*моховник* ‘болото, поросшее мхом’), оврага (*заростель* ‘заросший овраг’), шляпки гриба (*слизун*, *масляй* ‘масленок’) и т.д.
- 2. Л о к а т и в н ы е признаки, актуализирующие сему ‘место’ и ‘направление’:
 - место обитания животного (*дуплянка* ‘белка’), птицы (*береговушка* ‘ласточка’), рыбы (*подкаменник* ‘бычок’), насекомого (*навозник* ‘жук’), земноводного (*земляник* ‘червь’) и т.д.;
 - место произрастания дерева (*лесника* ‘лесная яблоня’), травы (*придорожник* ‘подорожник’), ягоды (*поземка* ‘земляника’), гриба (*опеньиш*) и т.д.;
 - местоположение оврага (*припрок* ‘овраг, соседствующий с другим оврагом’), болота (*озерина* ‘болото на месте высохшего озера’), поляны (*облесье*, *улесье*, *закраек*) и т.д.;
 - направление и характер ветра (*низовец* ‘ветер с низовьев реки’, *поземница* ‘низовая метель’), течения реки (*перебой* ‘встречное течение’), дороги (*круговеня* ‘дорога в объезд’) и т.д.
- 3. Э к з и с т е н ц и а л ь н ы й признак, указывающий на:
 - состояние погоды (*помрач*, *нахмура*, *наносица* ‘плохая погода’), неба (*наволочь* ‘облачное небо’), реки (*розливень* ‘разлив реки’), ключа (*живец* ‘незамерзающий ключ’), дороги (*катень*, *наездок*, *затоп* ‘хорошая торная дорога’) и т.д.;
 - способ обитания животного (*бродень* ‘медведь’), птицы (*дремлюга* ‘сова’), рыбы (*лежень* ‘налим’) и т.д.;
 - способ передвижения в пространстве насекомых (*порхунок* ‘мотылек’), земноводных (*выползень* ‘червяк’), а также распространения в пространстве, в основном в названиях травы (*катунь*, *летун*, *обвойник*) и т.д.;
 - способ добывания пищи представителями фауны (*дерун* ‘медведь’, *долбун* ‘дятел’, *мухолов* ‘сиг’) и т.д.;
 - особенности поведения представителей фауны (*выторопень* ‘заяц’, *вертунок* ‘кулик’, *щипарь* ‘окунь’, *боясница* ‘ящерица’, *трусик* ‘кролик’, *лягуша* ‘лягливая лошадь’, *бодуля* ‘бодливое животное’) и т.д.;
 - способ использования трав (*примочник*, *растиральник* ‘в названиях трав’), грибов (*отваруха*, *моченик* ‘в названиях грибов’) и т.д.
- 4. Т е м п о р а л ь н ы й признак, указывающий на:
 - время появления звезды на небе (*вечерница*), снега (*зазимок* ‘первый снег’), травы или цветка (*майноцветка*), птицы (*зимородок*), детеныша животного (*летник*, *колосовик* ‘детеныш, родившийся летом’) и т.д.;
 - время посева растений промышленного значения (*озимка*, *ярица*, *веснянка* ‘озимая и яровая пшеница’);
 - время (и срок) созревания сельскохозяйственных культур (*скороспелка*, *сорокодневка* ‘в названиях картофеля’);
 - время метания рыбой икры (*вербович* ‘лещ, который мечет икру во время цветения вербы’);
 - время лова рыбы (*летовичок* ‘сиг’, *вешняк* ‘снеток’);
 - время стрижки шерсти овец (*весника*, *вешнига* ‘овечья шерсть весенней стрижки’);
 - возраст леса (*старник*, *молодник* ‘в названиях леса’), дерева (*дубчик*, *дубечек* ‘молодой дуб’), русла реки (*старица* ‘старое русло реки’), домашних животных и птиц

(матуха 'взрослая свинья', *молодаяжка*, *подростыш* 'молодое животное', *молодуха*, *молодка* 'молодая, не несшая яиц курица') и т.д.;

– фазы луны (*новец*, *народженец* 'молодой месяц').

5. К в а н т и т а т и в н ы й признак, актуализирующий сему 'мера':

– величина водоема (*уречище* 'небольшая река'), горы (*горовина* 'небольшая гора'), оврага (*крутойр* 'глубокий овраг'), возвышенности (*угорье* 'небольшая возвышенность'), болота (*болотовина* 'небольшое болото'), леса (*улесок* 'небольшой лес'), деревья (*деревле* 'большое дерево'), насекомого (*букакайка*, *жукавка* 'мелкое насекомое'), рыбы (*маявка*, *маяшка* 'мелкая рыба') и т.д. оппозиция большой/маленький, крупный/мелкий, глубокий/мелкий с актуализацией чаще всего второго члена оппозиции;

– сила ветра (*забойник* 'сильный, порывистый ветер'), дождя (*проливняк* 'ливень'), мороза (*трескун*, *пекун* 'сильный мороз');

– нерасчлененное множество, *nomina collectiva*: звезды (*звездач*), деревья (*сосняк*), кустарники (*малинник*), ягоды (*черничник*), овощи (*картофье*), животные (*белочье*), птицы (*воронье*, *гусота*), рыбы (*лещье*, *окунье*), насекомые (*мухотва*, *блохота*) и т.д.;

– единичность, *nomina singulativa*: деревья (*лесница* 'одно лесное дерево'), ягоды (*бничина*), овощи (*морковина*), рыбы (*рыбина*) и т.д.

6. Ф у н к ц и о н а л ь н ы й признак, указывающий на:

– назначение леса (*избняк* 'лес, идущий на строительство дома', *заборник*, *тычинник* 'лес, годный для изгородей', деревья (*мочальник* 'мелколистная липа, кора которой идет на изготовление мочал'), травы (*чистец* 'чистотел'), грибов (*соленик* 'гриб, идущий на засолку'), домашнего животного (*откормыш* 'животное, оставленное на откорм', *волкогон*, *волкодав* 'в названиях собак') или птицы (*паруха*, *седунья* 'курица, которая высиживает цыплят') и т.д.

7. А к ц и о н а л ь н ы й признак, указывающий на:

– действие, оказываемое ветром (*отгон* 'ветер, сгоняющий воду'), дождем (*сеногной*), болотом (*затяжина*, *засос*), травой (*порезник*, *болиголов*), грибом (*мухотравка* 'мухомор'), насекомым (*жигалка* 'оса') и т.д.

8. Р е л я ц и о н н ы й признак, указывающий на отношения:

– родства: детеныши животных (*бельчонок*, *медвежонок*), птиц (*ластушонок*, *гусенок*), пресмыкающихся (*змееныш*, *ужонок*) и т.д.;

– половой противоположности: самки диких животных (*медвежиха*, *волчица*), птиц (*воробка*, *соловыха*), реже самцы (*лисун*, *лисовин* 'самец лисы'), иногда этот признак актуализируется и в названиях растений (ср.: *бранец* 'мужская особь конопля', *бранка* 'женская');

– классификационной соотнесенности: в названиях видов плодовых деревьев (*владимирка*, *шубинка*, *калужанка* 'сорта вишни'), сельскохозяйственных культур (*американка*, *балканец*, 'сорта картофеля', *булгарка*, *бухарка* 'сорта пшеницы');

– принадлежности: шкуры и мяса в названиях диких и домашних животных (*векишина* 'шкура белки', *волчура* 'шкура волка', *зайчина* 'зайчатина', *медведятина* 'медвежатина', *жеребятина* 'шкура жеребенка', *конюшина* 'шкура лошади', *коровина*, *бычатина* 'говядина'), мяса в названиях домашних птиц (*курушатина*, *цыплятина*); плодов деревьев и кустарников (*вишина*, *сливина*, *облепихина*); сока, коры, веток, листьев лесных деревьев (*березовка* 'березовый сок', *липник* 'липовая кора', *дубняк* 'дубовая ветка', *дубовина* 'дубовые листья'), бревна, палки, дубины определенной породы деревьев (*дубинина*, *березина*, *вязовина*);

– пространственной смежности: поле по засеянной или убранной сельскохозяйственной культуре (*пшеничище*, *овсянище*, *гороховище*); сад (огород) по произрастающим в нем деревьям (овощам): *яблочник*, *вишарник*, *огуречник*, *картофище* и т.д.;

– подобия (сходства) в названиях птиц (*серпик* 'стриж'), насекомых (*коник* 'кузнечик'), трав (*овсюг*, *ржанец* 'сорные травы'), цветов (*колоколец*, *кувшинка*), грибов (*свинарь* 'свинушка', *петушки* 'лисичка');

– оценки с актуализацией чаще всего второго члена оппозиции положительный/отрицательный в названиях погоды (*беспогода*, *неведрие* 'плохая погода'), леса (*сухарник*, *жарник* 'высыхающий на корню лес'), дерева (*подсохлина*, *сушина* 'засыхающее дерево'), травы (*дурнина*, *дурнига* 'сорная трава'), ягоды (*зеленика*, *зеленец* 'незрелая ягода'), гриба (*поганец*, *поганьш* 'несъедобный гриб'), дороги (*неторник* 'плохая ухабистая дорога'), болота (*бездонник*, *утопь* 'топкое, непроходимое болото'), домашних животных (*падина*, *одирок* 'худая, заморенная лошадь') и т.д., а также эмоционально-экспрессивной оценки в названиях практически всех реалий, принадлежащих к семантической сфере "Природа".

9. П а р т и т и в н ы й признак, актуализирующий значение части (или составляющих частей):

– части дерева (*верховец*, *вершинье* 'верхушка дерева'), горы (*обвершь* 'вершина горы'), *подгор* 'подножие горы'), оврага (*вывершек*, *развершь* 'начало оврага'), *отвершек*, *развил* 'отрог оврага'), реки (*отвилок*, *приголовок* 'приток реки', *загибина*, *излога* 'излучина') и т.д.;

– кусок дерева (*деревяга*, *деревинка*), коры (*берестина*) и т.д.

Даже это, во многом еще предварительное, описание принципов номинации явлений природы свидетельствует о том, что язык является своеобразной моделью природных и мыслительных процессов. Это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество. Именно поэтому в языке как духовной "памяти народа" семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет практическую ценность в его повседневной жизни. В этой словообразовательной отмеченности мотивационных признаков прослеживается отчетливая избирательность, что позволяет, с одной стороны, увидеть своеобразие языковой картины мира русского народа, а с другой – выявить систему его ценностей и ориентиров в этом мире.

Уже сам набор типологических признаков, представленных в семантическом пространстве "Природа", проливает свет на "привычки сознания" и систему выбора представлений. Даже при беглом знакомстве с этими признаками бросается в глаза их прагматическая направленность. С помощью словообразовательных средств маркируется, как правило, то, что имеет ценность в духовно-практической деятельности человека, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем его мире.

Инвентаризация этих признаков, выявление их в полном объеме при феноменологическом подходе к материалу прольет свет на особенности восприятия и репрезентации семантического облика модели мира. При этом следует, по-видимому, признать бесплодными поиски универсальных признаков, актуализируемых на всех участках одной семантической сферы: даже принимая во внимание типологическую значимость такого признака, как экспрессивно-оценочный, надо отметить, что он практически не актуализируется в названиях пресмыкающихся, отрицательная коннотация которых просвечивает в самом их наименовании.

Работа над ЛАРНГ, публикация его карт позволит во многом расширить наши представления о системной организации диалектной лексики и подойти к созданию русской диалектной лексикологии. Свежий, достоверный материал, рассмотренный в гносеологическом и лингвогеографическом аспектах даст возможность по-новому взглянуть на природу диалектных номинаций. Сопряженность теории номинации и теории лингвогеографии открывает широкие перспективы для комплексного изучения процессов языкового означивания. Сопоставимость Программы ЛАРНГ с программами других славянских лексических атласов (и прежде всего украинского и белорусского)

создает предпосылки для построения славянской лексико-семантической типологии, имеющей своей целью изучение способов репрезентации языковыми средствами внеязыковой действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Диалектные различия 1991–1993 – Диалектные различия русского языка. Словообразование. Вып. 1–2. Кемерово, 1991–1993.
- Журавлев А. Ф. 1995 – Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. М., 1995 (в печати).
- Кале Т. Х., Факторович А. Л. 1994 – О семантических отношениях в названиях животных в русских кубанских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1992. СПб., 1994.
- Петренко В. Ф. 1988 – Психосемантика сознания. М., 1988.
- Программа 1994 – Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1–2. СПб., 1994.
- Топоров В. Н. 1993 – Праславянская культура в зеркале собственных имен // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993.
- Трубачев О. Н. 1985 – Праславянская ономастика в этимологическом словаре славянских языков // Этимология 1985. М., 1988.